

Studia Culturae: Вып. 4 (46): Биография и нарративы культурной памяти.: И.С. Слепцова(Кызласова) С. 156-175.

И.С. СЛЕПЦОВА (КЫЗЛАСОВА)

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

УДК 130.2

ДОМИНАНТЫ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО НАРРАТИВА (НА МАТЕРИАЛАХ ДНЕВНИКОВ ЯРОСЛАВСКОГО КРЕСТЬЯНИНА П.В. БУГРОВА)¹²

Статья посвящена исследованию автобиографического нарратива крестьянина Ярославской губернии (области) П.В. Бугрова (1869–1936) на основе анализа его дневников, охватывающих период первой трети XX века. Рассмотрена система мировоззренческих доминант, специфика которых обусловлена принадлежностью Бугрова к крестьянству. Они образуют иерархическую структуру, где главные позиции занимают хозяйственно-экономическая и нравственная доминанты. Мировоззренческие доминанты определяют выбор жизненных стратегий и направляют повседневную деятельность. В автобиографическом нарративе представлен жизненный путь автора дневников в общем социокультурном контексте, когда большая история транслируется сквозь оптику биографического дискурса.

Ключевые слова: автобиографический нарратив, мировоззренческие доминанты, личный дневник, жизненный путь личности, автобиографическая память, социальный контекст.

I.S. SLEPTSOVA (KYZLASOVA)

*N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology
Russian Academy of Sciences*

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-09-00351 «Рукописное наследие ярославского крестьянина П.В. Бугрова (научное исследование, комментирование и подготовка к публикации)».

² Собрание П.В. Бугрова – Ярославский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Фонд личного происхождения. Шифр: ЯМЗ-18152/1, 2, 3 и т.д. (Первая цифра обозначает номер собрания, вторая – дневника). В тексте статьи указывается шифр дневника и год. Все дневники не имеют пагинации. Цитаты даются по правилам современной орфографии и пунктуации.

THE DOMINANTS OF AUTOBIOGRAPHIC NARRATIVE (BASED ON THE MATERIALS OF THE YAROSLAVL PEASANT P.V. BUGROV DIARIES)

The paper is dedicated to the study of the autobiographical narrative in the diaries of the Yaroslavl province (region) peasant P.V. Bugrov (1869–1936). The diaries cover the first third of the 20th century. In this paper the analysis of a worldview dominants' system based on the Bugrov's belonging to the peasantry. They form a hierarchical structure, where the main positions are occupied by economic and moral dominants. Worldview dominants determine the choice of life strategies and guide everyday activities. The autobiographical narrative presents the life path of the diaries' author in the general sociocultural context, when a great story is broadcasted through the optics of biographical discourse.

Keywords: autobiographical narrative, worldview dominants, personal diary, personal life path, autobiographical memory, social context.

Понятие «нарратив» в последние десятилетия стало активно использоваться в различных гуманитарных дисциплинах [обзор см.: 1] в связи с осознанием того, что культура воспринимается индивидом сквозь призму языка и в основе существующих онтологий лежит языковая модель мира. Поэтому для представителя любой дисциплины важным оказывается анализ порождаемого индивидом культурного текста, в том числе в виде устного или письменного повествования. По аналогии с другими изменениями исследовательских подходов в гуманитарных науках это направление получило название «нарративного поворота» [2, 3]. В настоящее время можно считать общепризнанным мнение, что «повествовательная форма – и устная, и письменная – составляет фундаментальную психологическую, лингвистическую, культурологическую и философскую основу наших попыток прийти к соглашению с природой и условиями существования» [4]. В этой системе координат нарратив является основным способом осмысления и репрезентации реальности, трансляции культурного опыта, организации социального взаимодействия.

Обращение к нарративам как к важному инструменту научного анализа расширило источниковую базу исследований, в том числе благодаря привлечению эго-документов (документов личного происхождения) и привело к необходимости разработки новой методологии – к методологическому повороту [5, 6, 7]. Его смысл заключается в перенесении акцента исследования с факта, о котором сообщается в тексте, на процесс его порождения (рассказывания, написания). Текст перестал рассматриваться тождественным реальности. Поэтому в фокусе анализа оказались не столько сами факты и явления, как обстоятельства, в которых происходит пере-

дача информации о них. При этом на первый план выходят рассказчик (нарратор), адресат и ситуация коммуникации. Это означает, что учет социальных факторов, таких как гендерные, статусные (в том числе, возрастные), временные и другие ситуативные характеристики становится необходимым условием анализа текста. Важно не столько то, *о чем повествует автор*, а то *как именно* он осмысляет и преподносит информацию: какой фрагмент реальности выделяет и как выстраивает сюжет повествования, какие смысловые акценты расставляет, о чем умалчивает, какой стиль изложения использует и т.п. Однако нарративный текст создается индивидом под влиянием языковых и культурных стереотипов, сформировавшихся в социуме в конкретный исторический период, и освоенных им в процессе социализации. Следовательно, в нарративе соединяется как социальное, так и индивидуальное. Такой подход позволяет установить взаимосвязи между социальным и персональным (личностным) уровнями общества [8].

Несмотря на то, что термин «нарратив» уже прочно вошел в обиход гуманитарных наук, в различных дисциплинах он продолжает употребляется в разных значениях [8, 9, 10]. В данной работе мы будем использовать следующую его дефиницию: «Это исторически и культурно обоснованная интерпретация некоторого аспекта мира с позиции конкретной человеческой личности, представленная в виде фрагмента дискурса как последовательности связанных между собой событий» [11, с. 49].

Ключевой категорией нарратива признается событие. Ю.М. Лотман определяет его как «перемещение персонажа через границу семантического поля» [12; С. 282]. По словам В. Шмидта, «событие заключается в некоем отклонении от законного, нормативного в данном мире, в нарушении одного из тех правил, соблюдение которых сохраняет порядок и устройство этого мира» [13; С. 11]. Другими словами, событие – это определенное изменение устоявшегося порядка вещей в той или иной сфере: этической, религиозной, бытовой, хозяйственной и др. В проведенном нами ниже анализе дневников важно понимание принципа выделения автором конкретных событий (*жизненных эпизодов*) и установление их взаимосвязей. Это позволяет реконструировать «норму» и понять социальный контекст описываемых случаев, а также их влияние на жизненный путь индивида в целом.

Исследование автобиографического нарратива открывает доступ к субъективной реальности другого человека, способам конструирования повседневности, мотивам поведения в различных ситуациях, аксиологической шкале и причинам ее трансформации. Становится возможным понимание и объяснение действительности с точки зрения автора записок. Современный взгляд на изучение автобиографических нарративов снимает проблему истинности описанной в нарративе истории жизни. Акцент пере-

носится на исследование субъективности (личностной интерпретации существующей реальности), что связано с «осознанием значимости субъективного фактора, роли и значения человека как активного социального субъекта, под влиянием которого осуществляются основные преобразования как в макро-, так и микромире» [14; С. 5].

В данной работе мы рассмотрим дневники, принадлежащие - крестьянину деревни Ворокса Боровской волости Даниловского уезда (совр. Некрасовский р-н) Ярославской губернии (области) Павлу Васильевичу Бугрову (1869–1936), которые охватывают период с 1900 по 1934 год. Незадолго до своей смерти он продал их Краеведческому музею в Ярославле, и сейчас они хранятся в Фонде документов личного происхождения Ярославского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (шифр: ЯМЗ-18152/1-41). Основное внимание уделяется специфике представленных в дневниках мировоззренческих доминант – наиболее значимых смыслов и ценностей, которые определяют восприятие мира и поведение человека в нем. Выделение доминант биографического повествования является ключом к пониманию индивидуальности и позволяет интерпретировать социальный мир с точки зрения личности. Вместе с тем, анализ сюжетов, к которым неоднократно обращается автор, и их смыслов показывает социальную обусловленность доминант.

Обращение к автобиографическому нарративу предполагает учет индивидуальных характеристик автора и уникальности его повествования, поэтому прежде, чем перейти к рассмотрению созданных им текстов, необходимо составить о них общее представление.

Характеристика специфики записок Бугрова

Побудительной причиной к ведению дневников П.В. Бугровым стала его женитьба в 1897 году на женщине с внебрачным ребенком и возникшая в связи с этим необходимость упорядочивания семейных финансов. Поэтому основным содержанием дневниковых записей с 1900 года по начало 1920-х годов являлась фиксация доходов и расходов: записывались заработки Бугрова и его жены, а впоследствии и их детей, а также покупка товаров, страховка, налоги и прочие расходы. Записи носили не регулярный (поденный, понедельный) характер, а были тематически сгруппированы, составляя различные разделы. Причем для каждой позиции делалась своя таблица: например, записи о покупке продуктов распределялись по рубрикам: «хлеб ржаной», «хлеб пшеничный», «крупа», «крендели», «масло коровье», «масло постное», «масло божье», «мясо», «чай», «сахар», «соль», «огурцы и картофель» или «овощи», «вино» и т.д. Выделялись рубрики «одежда разная», «обувь», «в дом», «железо» (то есть металлические изделия), «спички», «керосин», «посуда», «табак», «мыло», «проиграл

в карты», «иконы и попам», «няньке» и др. Кроме того, существовала рубрика «зря», в которой отмечались напрасно, по мнению автора дневника, потраченные деньги (пропил, крендели, селедка, яйца, семечки, табак и бумага, в чайной и проч.), что позволяет реконструировать структуру и приоритеты потребления крестьянской семьи. Таким образом, событие одного дня (скажем, поездка на базар или в город) расписывалось по нескольким разделам: стоимость проезда, номенклатура приобретенных продуктов питания, одежды, посуды, различных бытовых предметов, посещение чайной и т.п. Так же подробно фиксировались виды работ и размер их оплаты. Данная схема подразумевала постоянное обращение к одним и тем же страницам на протяжении всего года, прочтение предыдущих записей и, вероятно, анализ цен и целесообразности произведенных расходов, а также воспоминания о связанных с покупками обстоятельствах.

Такой способ ведения записей еще трудно считать «дневником» в полном смысле слова, в нем не присутствуют ни описания происходивших событий, ни их оценка, ни рефлексия по поводу своих или чужих поступков. Сам автор называл свои заметки «записными» или «памятными книжками», и только в 1908 году появилось наименование «дневник». Однако уже в первой из сохранившихся записных книжек, наряду с хозяйственными заметками, Бугров записал историю приобретения собственного маленького дома – «кельи», что было знаковым событием в его жизни, поскольку он относился к беднейшему, безземельному крестьянству, не имел своего жилья и был вынужден скитаться по родственникам: «Вот я как обрадовался, ну-тко, я буду хозяин дому, никто меня не притеснит» [ЯМЗ-18152/1, 1900 г.].

Первоначально у Бугрова не было цели фиксировать обстоятельства своей жизни, но довольно скоро он ощущает потребность в том, чтобы оставить память о себе детям и передать им свой жизненный опыт, о чем он неоднократно упоминает в записках. В дневнике 1907 года он записывает: «Прочтут дети мои все дневники со вниманьем и скажут, незавидна же путь жизни наших родителей» [ЯМЗ-18152/10. 1907 г.]. Со временем описания различных событий и их оценка, воспоминания о прошлом и рефлексия по поводу тех или иных происшествий и своего эмоционального состояния занимают в дневниках все больше места. Появление такого рода записей можно расценивать как возникшую «потребность решить какую-то экзистенциальную проблему, ... в таком нарративе человек стремится согласовать индивидуальный и социальный полюсы своей жизни» [15, 2; С. 125].

После нескольких лет ведения памятных книжек в них появляются рубрики «Газеты и разные книги и календари», «Разные события», куда заносилась информация о выписанных газетах, журналах и книгах, различ-

ных происшествиях в семье и сельском сообществе, о болезнях и лечении людей и домашней скотины, способы изготовления и починки тех или иных вещей и т.д. Приводилось краткое содержание отосланных писем разным людям и ответов на них, что значительно увеличивает информативность записок благодаря упоминанию новых персон, описанию событий из их жизни и мест проживания. С началом Первой мировой войны добавились рубрики: «Жертва на войну или на раненых», «Сколько взято человек на войну», «Сколько убито и ранено людей», «Набор лошадей на войну» и т.д. В период Гражданской войны и последующей разрухи появилась новая графа «Товарообмен», в которую записывались сделки по обмену (например, патоки на хлеб, картофеля на одежду, картофеля и патоки на солому, сено, мыло и на «разный товар» и др.).

С начала 1920-х годов формат записей был изменен на «метеорологический», то есть каждый день отмечалось состояние погоды (ясно, пасмурно, дождь, гроза, направление ветра и т.д.) и попутно приводились какие-либо сведения, которые Бугров посчитал наиболее важными (о праздниках, ссорах с женой, покупке скотины или ее болезни и др.). Больше всего внимания посвящено описанию экстраординарных явлений природы: шаровая молния, сильное наводнение на Волге, ураган и т.п. Параллельно велись и заметки о хозяйстве, хотя и не столь подробные, как в предыдущий период.

Еще одним важным для понимания мировоззрения Бугрова разделом является «Умершие в деревне Вороксе», который он вел на протяжении почти двадцати лет. Практически во всех «некрологах», иногда очень подробных, кроме указания продолжительности жизни, болезни, причин смерти, излагается история жизни и описание личных качеств покойного, которые сопровождаются нравоучительными комментариями, то есть они являются отдельными краткими биографическими нарративами, так или иначе связанными с автобиографическим нарративом Бугрова. Эти сведения позволяют в первую очередь реконструировать морально-нравственные установки и систему ценностей Бугрова.

Подводя итог характеристике документов Бугрова, отметим, что критерием отбора «жизненных историй» чаще всего являлся выход за рамки нормативности, то есть нарушение обычного порядка, «правильной» организации жизни. Причем, это касалось как сферы природного, так и социального. Описания наводнений, гроз, гибели людей в результате природных катаклизмов содержатся в каждом дневнике. Особенно тщательно и подробно представлены случаи тяжелой болезни (в т.ч. и домашней скотины) и неестественной смерти (убийства, самоубийства, результат несчастных случаев). Другим принципом отбора фактов является согласо-

ванность смысла событий (происшествий) с моральной позицией и жизненным опытом самого автора записок. Часто эти описания завершаются краткими суждениями, обобщающими размышления о волнующих его предметах, или моральными сентенциями (например, о падении уровня религиозности, о хулиганстве молодежи, об изменении нравственных устоев и др.). И кроме того, важным критерием выделения фактов служит их ценность с точки зрения накопления и передачи хозяйственного опыта (описание способов содержания домашнего скота, приемов интенсификации картофелеводства, проведения строительных работ и проч.).

Как уже упоминалось, спецификой дневников Бугрова является сочетание записей, отражающих текущий момент и написанных по горячим следам (например, о ссорах с женой и сыном, драках, случае самосуда, о праздновании традиционных и новых советских праздников и др.), с мемуарами о детстве, родителях, женитьбе, покупке «кельи» и др. Введение таких ретроспективных записей всегда сюжетно или эмоционально обусловлено: они являются реакцией на недавно произошедшие события и связанные с ними чувства и переживания, чаще всего негативные. Такое сочетание дневникового и автобиографического форматов позволяет рассматривать записки Бугрова как более достоверный источник, рисующий реалистичную картину его жизни, в том числе и духовной, поскольку автобиография, как правило, является конструированием прошедшей жизни в свете современных представлений и жизненного опыта. Например, те события, которые в дневнике отражаются как рядовые, не имеющие особого значения, впоследствии, в автобиографии, могут оцениваться как эпохальные, кардинально изменившие ход жизни.

Таким образом, записки не представляют собой цельного автобиографического повествования, не все фазы жизненного цикла (например, детство и юность) и не все сферы жизненного опыта (пребывание в больнице в Петербурге или в тюрьме) равно отражены в дневниках. Их текст состоит из описаний отдельных фактов, репрезентирующих субъективно значимые моменты в жизни, без соблюдения хронологии. Вычленение автобиографических эпизодов из всего объема информации, содержащейся в дневниках, дает возможность реконструировать биографию, «путь жизни» Бугрова. Их хронологическое и тематическое упорядочивание позволяет выстроить биографический нарратив, который демонстрирует, что история жизни Бугрова содержит основные вехи типичной для крестьянина (модальной) биографии. Ее можно представить в виде следующего перечня ключевых моментов:

- родители: отец – пьяница и дебошир, мать – тихая и кроткая, хорошая певунья («пела, как в рожки играла»);

- другие родственники: дед, дяди, братья и проч.;
- тяжелая болезнь – паралич в трехлетнем возрасте, случившийся «от крику пьяного отца», следы которого остались на всю жизнь;
- недолгое обучение в школе – в течение одной зимы («учился хорошо, но сильно баловал, часто ставили на колени и болваном»);
- лечение в юности от последствий паралича в Мариинской больнице в Санкт-Петербурге в течение восьми месяцев;
- короткая служба в армии (был «уволен по болезни»);
- полуторагодовое пребывание в тюрьме из-за хулиганства в пьяном виде;
- покупка собственного жилья – маленького домика-«кельки»;
- женитьба на женщине с внебрачным ребенком и его усыновление в последующем;
- рождение восьмерых детей и смерть шестерых из них;
- взаимоотношения с женой и детьми, в том числе конфликты по разным причинам;
- работа по найму и усилия по организации собственного хозяйства (аренда душевого надела, покупка скотины, занятия подсобными промыслами и т.п.);
- постройка нового дома;
- различные события в социально-экономической сфере в период Первой мировой войны, революции и Гражданской войны и вызванные ими изменения как в жизни самого Бугрова, так и сельского сообщества в целом;
- фиксация приобретаемых книг и других печатных изданий, а также метеорологические, фенологические и «краеведческие» заметки, отражающие духовные и интеллектуальные интересы;
- в конце жизни – смерть приемного сына, жены и маленького внука.

Отчасти этот список аналогичен «биограмме» (термин Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной), в которой реконструируется событийная канва жизненного опыта [16; С. 214].

Практически все пункты из этого перечня могут быть представлены в виде самостоятельных более или менее подробных нарративов, относящихся к хозяйственному, бытовому, семейному, религиозному, этическому, бытийному, медицинскому, естественно-научному, правовому и политическому дискурсам, по отношению к которым биографический нарратив выступает как таксономическая единица более высокого ранга – меганарратив. В свою очередь, и короткие нарративы слагаются из ряда собы-

тий, каждое из которых также является нарративом и может быть обозначено как микро-нарратив. Самой мелкой таксономической единицей рассматриваемых документов являются краткие подневные записи, в которых только упоминаются отдельные факты (виды работ, получение заработка, приобретение тех или иных вещей и т.п.). Их нельзя назвать нарративом в полном смысле слова, однако их объединение по темам позволяет выстроить соответствующий нарратив. Например, без особого труда воссоздаются «детский» (истории жизни детей Бугрова), «бытовой» и «хозяйственный» (повседневные практики), «религиозный» (исполнение религиозных обрядов) и другие нарративы.

Мировоззренческие доминанты

Изучая записки Бугрова, нетрудно заметить, что некоторые темы имеют больший удельный вес по сравнению с другими, они присутствуют практически в каждом дневнике. Их осмысление позволяет выделить наиболее значимые для индивида типики, которые выступают в качестве доминант его мировоззрения. Они обладают спецификой, которая обусловлена принадлежностью Бугрова к крестьянству, то есть общим для данной социальной страты типом сознания и системой ценностей. Однако при анализе доминант автобиографического нарратива Бугрова необходимо также учитывать идеи интертекстуальности: школьное и религиозное образование, характер прочитанных книг и периодики, а также коммуникации с различными людьми, в том числе и выше его по культурному уровню (например, с сотрудниками Ярославского краеведческого музея), – все это невольно отражалось в записках и формировало их.

Как каждая система, мировоззренческие доминанты образуют подчиненную структуру, в которой некоторые элементы играют главную роль, от них зависит функционирование других ее частей. Иерархия компонентов носит темпоральный характер, то есть со временем их значимость может меняться. Однако те из них, которые связаны с личной системой ценностей, в значительной степени сохраняют свои позиции, несмотря на исторические трансформации, определяя константы сознания, выбор жизненных стратегий и направляя повседневную деятельность.

Если рассмотреть с этой точки зрения дневники Бугрова, то становится очевидным, что доминантой его мировоззрения на протяжении всего периода ведения дневников была *хозяйственно-экономическая*, поскольку хозяйственная деятельность является центром жизненных интересов любого крестьянского сообщества. Она определяет внутреннюю жизнь социума, взаимоотношение между членами общины, а также благополучие семьи, здоровье и достаток. Показательно, что за время ведения дневников этот компонент претерпел в основном количественные изменения, но мало трансформировался качественно. Это отражает устойчивость, как хозяй-

ственного уклада, так и мировоззренческих и аксиологических установок крестьянина, несмотря на резкие трансформации в социально-экономической реальности первой трети XX века.

Преобладание хозяйственной тематики в записках Бугрова вызвано не только утилитарными причинами (необходимостью правильно организовать хозяйство и обеспечить физическое существование семьи), но и его ценностными ориентациями, в частности, осознанием труда как основы жизни: «Первая необходимость – работать» [ЯМЗ-18152/12, 1908 г.].

Хозяйственные записи не часто представлены в виде развернутого нарратива, обычно они содержат только краткую информацию о конкретном факте. Например: «Жена ходила за Волгу собирать сметану 23 марта. Утром ушла, а 25 вечером пришла. Ходила три дня, принесла всего на 2 р. 20 к.» [ЯМЗ-18152/8, 1905 г.]. Этот текст свидетельствует о том, что Бугров был готов заняться своего рода предпринимательством, организовав скупку сметаны с целью ее дальнейшей перепродажи. Однако эта попытка окончилась неудачей. Полученные средства не оправдали затраченных усилий, три рабочих дня были потрачены почти впустую, что вызвало его разочарование. В дальнейшем фиксация подобных негативных опытов нередко сопровождалась словами: «Вперед наука».

Если же приводится более подробный нарратив, то в нем обычно описывается неординарное событие, например, попытка найти работу крючника в Рыбинске, которая окончилась ограблением и возвращением домой с пустыми руками: «10 июня уехал в Рыбинск на заработку в крючники. Приехал 11 июня в воскресенье утром, в воскресенье же попал на работу по плотничному делу в деревню Ортюково Спасской волости Рыбинского уезда к крестьянину деревни Ванцова той же волости и уезда Никандру Ивановичу, фамилии его не знаю. Работал 2 дня за рубль десять копеек. В среду 14 числа ушел в Рыбинск и до субботы на работу не попал. В субботу пошел искать квартиру, дорогой встретился с людьми, сидевшими на крыльце, и один из них пошел меня провожать и дорогой вытащил из кармана крючной жилетки кошелек с пятью серебряными рублями и карманные вороненые часы, стоящие 6 рублей. Я сказал ему: “Что ты делаешь!” – и заревел, – “Дай мне сколько-нибудь!” Он мне рубль дал и сказал: “Пойдем пропьем!” – пригрозил мне кулаком. И я пошел с ним. Это был мужчина высокого роста, черные усы. Потом пошел за вином другой мужчина малого роста, черная борода. Объяснил мне, что: “Я тоже служил (в армии) в Гродно”. Стали пить вино, он пошел за полицейским, чтобы поднести и ему. Полицейский пришел и выпил чашку вина. Потом уж я и не помню. Проснулся во втором участке. Паспорт и квитанция от страховки – всё цело» [ЯМЗ-18152/9, 1906 г.].

Анализ этого текста показывает, что Бугров не оставил надежду вырваться из бедности, поэтому он попытался найти занятие, которое приносило бы больший доход, чем обычная поденная работа у односельчан. С этой целью он поехал на заработки в Рыбинск, где находилась самая крупная хлебная биржа на северо-западе России. Однако он оказался не готов к встрече с местными рабочими, которые сразу вычислили в нем новичка и, воспользовавшись его неопытностью, ограбили его. Бугров обнаружил свою слабость тем, что не смог противостоять им и даже безвольно принял участие в выпивке, устроенной на отобранные у него же деньги. Вероятно, он был полностью парализован сложившейся ситуацией, поэтому воспринял сохранность документов, как относительно благополучное ее разрешение. Последняя фраза передает его чувство облегчения.

Доминирование экономической составляющей особенно наглядно проявлялось в первые годы ведения дневников, когда основной целью Бугрова было упорядочивание семейного бюджета. Другим периодом, когда превалировали хозяйственно-экономические интересы, была революция и Гражданская война и вызванные ими лишения и голод, которые заставили сконцентрировать усилия всех членов семьи для обеспечения биологического выживания.

Экономическая доминанта повлияла и на другие сферы жизни Бугрова. Так, она в значительной мере обусловила его интеллектуальные интересы, прежде всего в области метеорологии, агрономии, медицины и ветеринарии. Применение Бугровым на практике полученных из популярных изданий научных знаний помогло рационализировать хозяйство и улучшить жизнь семьи.

Другой столь же значимой доминантой мировоззрения была *нравственная*, которая влияла на все сферы жизнедеятельности Бугрова, формируя систему ценностей и определяя приоритеты в выборе жизненных стратегий. Нравственные принципы Бугрова сложились на основе православного вероучения, усвоенного им в еще детстве в школе и при посещении церкви. Став взрослым, он постоянно выписывал и читал периодику, в которой публиковались статьи на религиозные темы – «Сельский Вестник», «Дружеские речи» и другие издания православно-монархического характера.

С этих позиций Бугров оценивал повседневную жизнь сельского общества, выделяя происшествия и события, не соответствовавшие христианским нравственным нормам и правилам поведения. Их причину он видел в ослаблении религиозности среди односельчан. Особенно активно эта тенденция, по его мнению, проявилась в среде молодежи, что выразилось в росте в этой возрастной группе девиантных форм поведения (драки, разбой, грабежи, убийства), подробно описанию которых в дневниках

отводится много места: «18 февр(аля) в масленицу против субботы ночью в деревне Яхроболе завели драчу в пьяном виде безусая темнота деревни – парни 18 и 19-ти лет и в драке ткнули ножом в спину одному из драчунов Блинову. И рана оказалась серьезной, что и заставило обратиться к фельдшеру за помощью. А потом протокол и следствие, и суд. Как будет жить дальше на вольном свете православным людям! Спаси Бог» [ЯМЗ-18152/15, 1911 г.]. Подобные нарративы всегда носят обличительный и назидательный характер и очевидно написаны с целью выразить свое негодование по поводу нарушения поведенческих норм. В них Бугров хочет представить себя в глазах будущих читателей человеком, который хранит нравственные ценности.

Нравственная доминанта позволяет объединить различные нарративы, относящиеся к этическому дискурсу, то есть к тем жизненным ситуациям, где морально-нравственные установки играют решающую роль. Прежде всего это сфера межличностных отношений, в частности, внутрисемейные отношения, конфликты и их разрешение, заботы о здоровье и благополучии детей и взрослых. Семейный дискурс представлен нарративами, отражающими различные стороны существования семьи, начиная от ее образования (история женитьбы) и заканчивая описаниями смерти жены и детей, что подчеркивает многоаспектность этого феномена.

Нарративы об отношениях с женой очень противоречивы. Некоторые из них свидетельствуют о его глубоких чувствах. Так, даже обычный разговор жены с другим мужчиной мог привести его в отчаяние и спровоцировать попытку самоубийства: «11 июля скандал с женой в ревности, когда косила жена у Понизовкина. В это время был приказчик Петр Леонтьевич Болотов. Он часто говорил с женой вдвоем, о чем, не знаю. А я приревновал жену к нему и до того расстроился, что три дня лежал на постели и 2 дня не ел пищи. Сделался вольный свет немил. И хотел бросится в Волгу между баржами – тем уничтожить свою жизнь. Но только хотел это сделать, как вдруг меня что-то оттолкнуло, и я сотворил молитву и отошел прочь, весь побелел и трясся от волненья всего тела. Это видел Константин Иванович Шумилин и спросил: “Да что же у тебя сделалось такое, серьезное дело не с женой ли что?” Но я ответил: “После скажу”. Но не нахожу себе места от волненья» [ЯМЗ-18152/10, 1907 г.]. Разрешение этого внутреннего конфликта произошло под влиянием христианских нравственных законов, расценивающих самоубийство как смертный грех. Нарушить религиозные постулаты Бугров не решился, будучи глубоко верующим человеком.

В других нарративах, напротив, заметна его жестокость по отношению к жене. Так, в приводимом ниже тексте он оправдывает свое агрессив-

сивное поведение тем, что ставит в вину жене ее пренебрежение своими домашними обязанностями: «18 февраля захворал, заболело в груди, перестало позывать на пищу и питье, плохо спал, расстроила жена. Захворал от расстройства, разругался с женой. Причина ругани: послал жену за газетой к соседу, и она изволила ходить цельные два часа! Самовар был поставлен, и мы все угорели от самовара. Ей попало по роже за это от меня. Вперёд наука жене» [ЯМЗ-18152/17, 1912 г.].

В целом, описания конфликтных ситуаций в семье и жалобы на непослушание и грубость жены и детей составляют значительную часть нарративов семейного дискурса, особенно относящихся к 1920-м годам. Это связано и с общими социальными трансформациями, повлиявшими на повседневное поведение, и с взрослением детей и их нежеланием дальше терпеть побои и оскорбления. А о том, что Бугров в молодости был далек от идеала хорошего отца и мужа, свидетельствует обет, данный им на Великий пост в 1905 году: «Не бить жену и детей» [ЯМЗ-18152/8, 1905 г.].

Для подобных заметок характерен обвинительный пафос. Причем обвиняемыми выступают все члены семьи, которые, с точки зрения Бугрова, демонстрируют эгоизм, лень и пренебрежение общими семейными интересами: «4 июля 1924 года. Так расстроился с жизнью, никто не слушает, делают нехотя, потому из крестьянства ничего не выходит. Придется, видно, сказать, как хотите, так и делайте, но от вины опять не уйдешь, потому не понимают расчета в жизни. Если появится откуда-нибудь копейка, то себе на наряды, отцам ничего. А матки на их стороне. Скажешь что-нибудь из прожитой жизни, что надо, а что не надо, даже обругаешь “толстой матерью”, т.е. по-матерны, а если хлестнешь по роже с досады, то получишь обратно. А матка станет дыбом против мужа и станет предъявлять, как жили раньше, когда дрался или ругался, и я тебя боялась. Но теперь, говорит, не раньше и срать на тебя не хочу. И этими рассказами и упреками на мужа озлобляет детей против отца. Но когда муж помрёт или выйдет из терпенья, бросит всю супружескую, и отцовскую, и хозяйскую жизнь и махнет рукой на всё своё домашнее приобретение и уйдёт из дому и будет жить один, как это сделал наш отец, то дети начнут нападать на матку еще сильнее, вот тут она и начинает поминать и хвалить мужа, как это было у нашей матки. Такой-сякой, наплодил деток и скрылся, а мне разбираться. Вся вина в этом – она сама» [ЯМЗ-18152/32, 1924 г.].

Субъективный смысл этого нарратива состоит в желании представить себя в определенном свете, как человека, отдавшего все силы для обеспечения благополучия семьи, но не оцененного и даже униженного. Повествовательная идентичность [17; С. 19, 34], которая создается в этих нарративах, носит характер несправедливо обиженного, и Бугров ее целенаправленно конструирует во многих дневниковых записях, особенно от-

носящихся к последним годам его жизни. По всей видимости, Бугров искренне считал себя жертвой агрессии со стороны жены и детей, не осознавая того факта, что он сам демонстрировал такой же и даже более жесткий стиль поведения по отношению к ним в течение всей жизни, однако считал это нормой. Но когда он столкнулся с аналогичной ответной реакцией со стороны членов семьи, то воспринял это чрезвычайно болезненно, как трагедию, как слом всей жизни.

На основе подобных нарративов возможно проследить взаимодействие между дискурсом повседневности и нормативными дискурсами, сложившимися в обществе в конкретный исторический период. Социально-экономические трансформации послереволюционных лет обусловили не только кардинальные изменения в экономическом укладе и в повседневных практиках, но и отразились в общественном сознании, в котором произошла дифференциация по возрастному признаку. Идеологические установки «нового времени», которые разделялись молодым поколением, оказались в конфронтации с традиционными взглядами и нормами. В качестве примера приведем описание одного события в быту семьи, случившегося в канун Пасхи, в страстную субботу, когда традицией предписывалось соблюдать запреты на любые действия, противоречащие нормам благочестия: «В страшную субботу Коска меня ударил по спине и вытолкнул вон из избы, и головой я ударился о косяк. Я одышался и не мог бороться с ним. Но жена моя отнеслась без удивленья, как будто так и надо. Но я был так тронут неожиданной сдачей и не по спине, долго сидел и думал, что будет дальше. Вот, думал я, как несли обиду (не только) наши дедушки и отцы, но братья мои, так на них я сам нагляделся, как их обвиняли во всем напрасно, но теперь опомнили» [ЯМЗ-18152/31, 1922-1923 г.]. Здесь хорошо просматривается столкновение патриархальных взглядов Бугрова на должное поведение детей и современных повседневных практик, которые уже претерпели значительные трансформации и нередко нарушали стереотипы, сложившиеся ранее в крестьянском социуме.

В семейном дискурсе особое значение принадлежит нарративам о смерти детей, которые свидетельствуют о глубоком горе Бугрова: «Дочь моя Александра Павловна умерла 1911 года августа 4 дня в четверг. Болезнь была понос. Умерла в пути, у матери на руках, когда носила к фельдшеру и пошла обратно от фельдшера. Не доходя деревни Хрептово, скончалась. А у фельдшера с ней сделался припадок. Нужно подумать каждому человеку, какова была печаль родителей. Ждали помощи врача, а вместо помощи принесла дитю домой уже мертвою. И представьте себе, как бежала мать с мертвым младенцем на руках, обливала слезами покойника, не

чувствовала ног под собой от горести. Житья было 9 месяцев и 3 дня» [ЯМЗ-18152/15, 1911 г.].

Специфическими чертами этих текстов являются употребление эмоционально-экспрессивной лексики и такого стилистического приема, как прямое обращение к читателю. В этих нарративах содержится не только желание выплеснуть свое горе, но и подспудно ощущение нарушения миропорядка, внутренний протест против ситуации, когда дети уходят раньше родителей. Эта позиция противоречит христианскому постулату о необходимости со смирением переносить все испытания («Бог дал, Бог взял») и свидетельствует о рационализации сознания Бугрова.

Отношения в социуме, так же, как и в семье, привлекают внимание Бугрова тогда, когда они выходят за рамки нормативности, в частности, он описывает множество случаев криминального поведения, обычно сопровождая их порицающими комментариями. Во время Октябрьской революции появляются нарративы, отражающие социальное напряжение, однако Бугров видит в этом только конфликт, вызванный экономическими причинами – нехваткой хлеба: «21 октября в субботу ходили в Боровское волостное правление для допроса закупщиков хлеба Александра Павловича Колкотина и Дмитрия Павловича Гурьева от Петропавловской волости. Народу было из двух волостей очень много. Петропавловский закупщик не явился, наверно побоялся, так как накануне, т.е. 20 октября, был схвачен бабами у Понизовкина завода и посажен в гузицинский пожарный сарай. И с ним вместе посажен был Назаров Александр Яковлевич, зять Никодима Хортова, за то, что он, Назаров, хотел освободить Гурьева от баб, но бабы захватили и его. А Колкотин был посажен раньше тоже бабами в чижовку (= место заключения) при Боровском волостном правлении. Озлобленная толпа народа за то их посадила, что они не привезли хлеба на понизовкинских баржах, так как он у них был и не куплен. Если верно, то им очень нехорошо и грешно» [ЯМЗ-18152/25, 1917 г.].

Некоторые случаи вызывают у него двойственное отношение, например, факт самосуда: «23 июля. По слухам, Александра “Хороха”, нашего пастуха, избили ломовские мужики за то, что лошадей поймали в траве утром. По слухам, он шел из села от жены утром собирать табун, так как он ношничал эту ночь, значит, его не было ночью в табуне, а ночевал у жены. Не знаю, правда ли. <...> Пастуха повезли в больницу лежачего его жена Павла Ивановна. По слухам, очень избит, а ран и крови нигде нет, значит, били умышленно. Ноги очень распухли и ничего не владеет. По слухам, били по пятам железными вилами. Мне сказывал Шурка Семеныч сегодня вечером» [ЯМЗ-18152/37, 1925-1926 г.].

В этом нарративе отражается диссонанс, который испытывает Бугров при оценке этого происшествия. С одной стороны, он считает, что пас-

тук нарушил нормативное поведение (он не должен был оставлять табун ночью), но с другой – наказание для этого проступка слишком жестокое. Вероятно, ему трудно разрешить в своем сознании этот конфликт, поэтому он только фиксирует факт.

Описание некоторых социокоммуникативных событий показывает трансформацию взглядов Бугрова в послереволюционный период, отступление от патриархальных взглядов, например, на брачные отношения: «8 января 1924 года такой был случай. Принесла ребенка девица Александра Николаевна Халамонова от парня Натолья Александровича Бугрова. И замуж не берет Натолей. И она взяла ребёнка. Не так. Она пошла к матке Натолья родить. И там на печи родила и из избы не идет. Наконец, Натолью пришлось взять ее замуж. И живёт с ней по сие время, хотя и не нравится ему. Это писал 1924 года мая 4 числа. Вот так молодец девка! Так и надо. А то песня поётся: “Улестил меня словами и уверил навсегда. Уверил и оставил мне малютку на руках. Погляжу я на малютку, точно милой был такой”» [ЯМЗ-18152/32, 1923-1924 г.].

Необходимо сказать о еще одной форме реализации нравственной доминанты. Она выступает как активатор социальной деятельности, осуществляясь в различных социальных практиках, имеющих альтруистический характер. Можно даже отдельно выделить *коллективистскую* доминанту, в которой содержится идея приоритета государственных и общественных интересов над индивидуальными и которая воплощается в практиках помощи нуждающимся. В частности, в дневниках периода Первой мировой войны содержится большое число записей о жертвах раненым воинам и сиротам, покупке билетов благотворительной лотереи и т.д. Бугров активно откликнулся на призывы о помощи государству в сборе средств для покупки вооружения. Так, в 1915 году он даже решился на денежный заем в кредитном товариществе для приобретения облигаций государственного займа. Безусловно, Бугров находился под большим влиянием официальной пропаганды, проводником которой была получаемая им периодика: «Событие в кредитном товариществе. Я пришел в кредитное товарищество занять денег 50 рублей для покупки акций государственного займа 1915 года. А деньги эти собирались на войну. А купить хотел билет не для своей пользы, а помочь государству в войне с Германией. А мне сказал казначей Ив. Лог. Серов: “Видно, – говорит, – у тебя денег много”. Не посоветовал купить билеты. Я говорю: “Так как же, я за этим пришел”. И пиесец, Василий Дружинин, мне сказал: “Давай запишем хоть на хлеб”. Ну, я говорю: “Пиши, если нельзя на государственный заем”. Значит, я солгал на что брал, это не своей волей» [ЯМЗ-18152/20, 1915 г.]. В этом нарративе сталкиваются две идейные позиции: коллективистская, основан-

ная на крестьянской общинной и христианской системе ценностей и индивидуалистская, расчетливо-прагматическая, которая начала активно проявлять себя на рубеже XIX – XX веков.

Со второй половины 1920-х годов все больший удельный вес приобретает *экзистенциальная* доминанта, что отражает стремление Бугрова к осмыслению своей жизни и подведению ее итогов. Эти нарративы посвящены разным событиям в жизни семьи, но объединяет их одно – обида на родных за грубость и пренебрежительное отношение. Бугров приводит факты, которые должны создать у читателя соответствующий взгляд на события, стремится убедить их в том, что с ним поступают жестоко и несправедливо («Одним словом, жизнь пошла нескладная»). Он испытывает негативные эмоции, которые хотел бы передать тем, кто будет читать его записки, чтобы вызвать в них сочувствие. Тем самым эти нарративы выполняют психотерапевтическую функцию, помогая Бугрову справиться с тяжелыми переживаниями. В качестве пример приведем две записки из дневника: «19 окт. воскресенье. Коскя хотел вырвать чашку со щами у меня. Я заругался. Он меня за руку вытащил на улицу. Мне было очень при-скорбно. Вот, думаю, пришёл черёд и до меня, как моим бывшим (= покойным) братьям: крёстному Якову и Ивану. Мне, может быть, будет и хуже» [ЯМЗ-18152/37, 1925-1926 г.]; «12 декабря. Рождество Христово нового стиля. Жизнь моя становится хуже и хуже. Глаза заболели от курения махорки, видеть стали плохо, но не курить никак не отстать. Вот я и решил сегодня не курить. Ночью сегодня не курил. Встал утром в 5 часов, истопил железную печку и опять лёг на печь. 8 часов утра встала жена и детки и давай меня ругать, зачем топил печку и ешь по ночам, и всё тащишь к Парасковье и к Фелисаде. И я вот как расстроился, что начал курить чаще и чаще. Вот так я хозяин семье и дому. Что делать, не знаю. Оставить всё и уйти из дому, а то не вышло бы чего хуже, буду, может быть, каяться. И решил уйти, если не сейчас, так весной, покуда могу что-нибудь делать подходящее по здоровью своему» [ЯМЗ-18152/37, 1925-1926 г.]. Такой ракурс видения и отражения реальности может быть понят только исходя из общих патриархальных установок Бугрова. Характерно, что он ни разу не попытался понять истоки такого поведения своих близких, не вспомнил о своем деспотичном и агрессивном отношении к жене и детям и не обвинил в создавшейся ситуации себя.

Еще одной доминантой, которая ярко характеризует индивидуальность Бугрова, является *интеллектуальная* (доминанта знаний). Он обладал особой любознательностью, которая проявлялась в самых разных сферах, даже совершенно не связанных с практической деятельностью. Если его интерес к метеорологии, медицине, ветеринарии можно объяснить хозяйственной необходимостью, то интерес к истории отражает неординар-

ность и оригинальность его личности. Бугров описывал себя как «страшного любителя древностей». Действительно, он покупал каталоги старинных денег и марок, а также сами старинные монеты, выписывал книги (в том числе, об Англии), производил «археологические раскопки» и т.п. Кроме того, он проводил своего рода «этнографические» и «генеалогические исследования», расспрашивая стариков о прошлом. Его прежде всего интересовала история своих предков, например, он пытался собрать сведения о своем деде Никите. Приведем запись рассказа, которую он сделал со слов одного из стариков: «Рассказ дедушки Ивана про моего дедушку Никиту. Как в праздник ходил по домам и плясал на кавтане за чашку вина. Вино очень любил, а дома вина у него не было, так как было очень бедно. В праздники годовые Петров день и Введенъев день. И помнит дом моего прадедушки, как звали его, не помнит. Я сколько раз спрашивал, как зовут отца дедушки Никиты. “Никак, – говорит, – не могу вспомнить Никиту по отчеству”. И видно, что бедных не величали. А про других, так называет по отчеству. Я спросил про отца Ивана Петровича, так он сразу сказал: “Петр Семеныч или Максимыч”» [ЯМЗ-18152/33, 1924 г.].

Некоторые свои исторические разыскания Бугров оформлял в виде развернутых нарративов, которые интересны и с фактографической стороны, и как отражение социальных практик, и как представление его личного взгляда: «Род Большаков из деревни Бор. (У) одного помещика с Вороксы Абрама Большакова было четыре сына: Никита, Иван, еще как звали, не знаю, и Сергей Абрамович. Росту были высокого, плечистые, здоровые. И вот один из них, Сергей Абрамович Большаков, служил в солдатах в Москве в гренадерах. Жена была у него из Вороксы – Катерина Павловна Халамонова. Он был фельдфебелем, на службе накопил, говорят, много денег, около 40 тысяч. И вот ее муж Сергей Абрамович умер, а жена его Катерина Павловна уехала домой в Вороксу с большими деньгами к брату Якову Павловичу Халамонову. И открыла лавку торговать. Григорию Михайловичу Бугрову выстроила дом, так как он был зять Халамоновым, за ним была сестра Анна. Катерину прозывали “Москвичка”. Около 1858 года начала эта Москвичка садить картофель на островах, арендовала, но везде у нее ничего не было барыша. Так эта Москвичка и прожила в пух. Знает, не на руки деньги» [ЯМЗ-18152/33, 1924 г.].

По-видимому, мотивацией для проведения такого рода «исследований», является стремление сохранить память о прошлом своей семьи и сельского сообщества. Эти нарративы можно рассматривать как еще одну репрезентацию лично важной для Бугрова темы памяти, которая в разных вариантах присутствует едва ли не во всех его записках. В этом можно ви-

деть важнейшую черту крестьянского менталитета – приверженность традиции.

Подводя итог, отметим, что в современных исследованиях доказана продуктивность нарративного подхода к изучению автобиографических текстов, в которых рассматривается индивидуальное и субъективное как репрезентация культурного и социального опыта, усвоенного в процессе социализации и дальнейшей жизни. Слитность индивидуального и социального в истории одной жизни описывается понятием «габитус», который «являясь продуктом истории, <...> производит практики, как индивидуальные, так и коллективные, а следовательно – саму историю в соответствии со схемами, порожденными историей. Он обеспечивает активное присутствие прошлого опыта, который, существуя в каждом организме в форме схем восприятия, мышления и действия, более верным способом, чем все формальные правила и все явным образом сформулированные нормы, дает гарантию тождества и постоянства практик во времени» [18; С. 46]. Таким образом, габитус, являясь общим культурным багажом людей, принадлежащих к определенной группе, позволяет говорить, что рассмотренные доминанты автобиографического нарратива Бугрова с определенными оговорками можно считать характерными также и для его социальной страты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Троцук И.В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2004. № 1 (6–7). С. 56–75.
2. Трубина Е. Г. Нарратология: основы, проблемы, перспективы. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.
3. Лехциер В.Л. Нарративный поворот и актуальность нарративного разума // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1 (10). С. 5–8.
4. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.
5. Готлиб А. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-груп, 2004.
6. Козлова Н.Н. Методология анализа «человеческих документов» // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 14–26.
7. Зарецкий Ю.П. История субъективности и история автобиографии: важные обновления // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2012. № 3. С. 218–232.
8. Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 38–61.
9. Троцук И.В. Теория и практика нарративного анализа в социологии. М.: Изд-во РУДН, 2006.
10. Евстигнеева Н.В., Оберемко О.А., Модели анализа нарратива // Человек. Сообщество. Управление. 2007. № 4. С. 95–107.

11. Олешков М.Ю. Дискурс и текст: нарративная интеграция смыслов // Дискурс, текст, когниция / отв. ред. М.Ю. Олешков. Нижний Тагил: НТГСПА, 2010. С. 49–60. (Серия «Язык и дискурс». Вып. 2).
12. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.
13. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.
14. Бутенко И.А. Постмодернизм как реальность, данная нам в ощущениях // Социологические исследования. 2000. № 4. С. 3–11.
15. Бургос М. История жизни. Рассказывание и поиск себя // Вопросы социологии. 1992. Т. 1, № 2. С. 123–130.
16. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А., Анализ биографического нарративного интервью в исследованиях идентичности // Социальная идентичность: способы концептуализации и измерения: Матер. Всерос. науч.-метод. семинара / под. ред. О.А. Оберемко, Л.Н. Ожеговой. Краснодар: КубГУ, 2004. С. 200–222.
17. Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика: Московские лекции и интервью. М.: КАМІ, АCADEMIA, 1995.
18. Бурдьё П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 1, № 2. 1998. С. 44–59.

REFERENCES

1. Trocuk I.V. Narrativ kak mezhdisciplinarnyj metodologicheskij konstrukt v sovremennyh social'nyh naukah // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sociologiya. 2004. № 1 (6–7). S. 56–75.
2. Trubina E. G. Narratologiya: osnovy, problemy, perspektivy. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2002.
3. Lekhcier V.L. Narrativnyj povorot i aktual'nost' narrativnogo razuma // Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury. 2013. № 1 (10). S. 5–8.
4. Brokmeyer J., Harre R. Narrativ: problemy i obeshchaniya odnoj al'ternativnoj paradigmy // Voprosy filosofii. 2000. № 3. S. 29–42.
5. Gotlib A. Kachestvennoe sociologicheskoe issledovanie: poznavatel'nye i ekzistencial'nye gorizonty. Samara: Univers-grupp, 2004.
6. Kozlova H.H. Metodologiya analiza «chelovecheskih dokumentov» // Sociologicheskie issledovaniya. 2004. № 1. S. 14–26.
7. Zareckij YU.P. Istoriya sub"ektivnosti i istoriya avtobiografii: vazhnye obnoveniya // Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture. 2012. № 3. S. 218–232.
8. Yarskaya-Smimova E.R. Narrativnyj analiz v sociologii // Sociologicheskij zhurnal. 1997. № 3. S. 38–61.
9. Trocuk I.V. Teoriya i praktika narrativnogo analiza v sociologii. M.: Izd-vo RUDN, 2006.
10. Evstigneeva N.V., Oberemko O.A., Modeli analiza narrativa // Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie. 2007. № 4. S. 95–107.
11. Oleshkov M.YU. Diskurs i tekst: narrativnaya integraciya smyslov // Diskurs, tekst, kognicija / отв. ред. М.Ю. Олешков. Нижний Тагил: НТГСПА, 2010. С. 49–60. (Серия «Язык и дискурс». Вып. 2).
12. Lotman YU.M. Struktura hudozhestvennogo teksta. M.: Iskusstvo, 1970.
13. SHmid V. Narratologiya. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2003.
14. Butenko I.A. Postmodernizm kak real'nost', dannaya nam v oschushhcheniyah // Sociologicheskie issledovaniya. 2000. № 4. S. 3–11.
15. Burgos M. Istoriya zhizni. Rasskazyvanie i poisk sebya // Voprosy sociologii. 1992. Т. 1, № 2. S. 123–130.
16. Zdravomyslova E.A., Temkina A.A., Analiz biograficheskogo narrativnogo interv'yu v issledovaniyah identichnosti // Social'naya identichnost': sposoby konceptualizacii i izmereniya: Mater. Vseros. nauch.-metod. seminar / pod. red. O.A. Oberemko, L.N. Ozhegovoj. Krasnodar: KubGU, 2004. S. 200–222.
17. Rikyor P. Germenevtika. Etika. Politika: Moskovskie lekcii i interv'yu. M.: KAMI, ACADEMIA, 1995.
18. Burd'e P. Struktura, gabitus, praktika // ZHurnal sociologii i social'noj antropologii. Т. 1, № 2. 1998. S. 44–59.